

Dorovský, Ivan

Тоска поэта по родному краю

In: Dorovský, Ivan. *Райко Жинзифов : воздействие русской и украинской литературы на его творчество*. Vyd. 1. V Brně: Univerzita J.E. Purkyně, 1988, pp. 35-39

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/122347>

Access Date: 23. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ТОСКА ПОЭТА ПО РОДНОМУ КРАЮ

После годичной подготовки Райко Жинзифов сдал приемные экзамены и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Он уже более трех лет живет на чужбине, в стране с другими общественными условиями жизни. Тяжелым было его материальное положение. Ему не хватало денег, и он был вынужден давать частные уроки. В одном письме В. Д. Стоянову, болгарскому студенту в Праге, от 12 января 1864 года он пишет: „Аз па като бех неколко си време домашен учител и видех в пазуварката си два-три гроша, реших се и издадох „Ново-българска сбирка“ ... Или же в другом месте письма: „Мие, брате, късахме си от насущийт си хлеб за да издаваме „Братски труд“ ...“¹

Одновременно, уже будучи студентом первого курса, он начал сотрудничать в разных московских журналах и газетах, преимущественно славяновильского направления,² с двумя целями: заработать какие-то деньги и познакомить русское общественное мнение с действительным положением „турецких славян“. В стихотворении „Жалба“ („Печаль“, 1862) поэт говорит: „Все мислит, все думат, не спит, А ден и ноц работа вършит.“

Жинзифов никогда не думал о себе, о личном счастье. Он был человеком, который в прямом смысле слова отдал всю свою жизнь на службу народу. Поэтому тоска, болезненная ностальгия и бесконечная печаль по родине занимают такое место в его поэтическом творчестве. Его поэзия является своеобразным верным источником, откуда можно узнать о трудных условиях жизни и о личном положении поэта.

Студенты из Болгарии и Македонии составляли в Москве особый круг (в отличие от круга в Одессе), который в конце пятидесятых и в шестидесятых годах развивался и определил свою литературную и просвети-

¹ Urban, Z.: *Dva neznámě dopisy Rajka Zinzifova V. D. Stojanovovi a jejich význam*, in: sb. Franku Wollmanovi k sedmdesátinám, Praha 1958, s. 260.

² Жинзифов, Р.: *Публицистика в два тома*, 1—2, София 1964; Ерихонов, Л. С.: *Жинзифов в руския печат*, Литературна мисъл, 4, 1963, с. 71—81; Никитин, С. А.: *Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах*, Москва 1960, с. 105.

тельскую деятельность под воздействием русской культуры, литературы и революционно-демократической идеологии. Они являются ревностными носителями благотворного для новоболгарской и македонской литературы русского влияния.³

Хотя они вращались преимущественно в русской славянофильской среде, под влиянием русского демократического движения и прогрессивной литературы они формируют свое мировоззрение в согласии с требованиями своего народа.

О студенческих годах жизни Райко Жинзифова имеются лишь незначительные и скудные сведения. Мы знаем, что он слушал лекции известных романтически настроенных русских ученых-славянофилов, напр., лекции выдающегося русского филолога, исследователя русского фольклора и древнерусской литературы Ф. И. Буслаева (1818—1897), историка и деятеля панславизма М. П. Погодина (1800—1875), буржуазного историка С. М. Соловьева (1820—1879) и др., обращая притом особое внимание на историю балканских славянских народов.

В стихотворении „Безсоница“ (1862) поэт нам описал прекрасно свою жизнь и душевное положение в годы наступления реакции в России после отмены крепостного права. В стихотворении порывается склонность к публицистическому изложению и описанию, как и в ряде других его стихотворений. Жинзифов сначала дает картину среды, т. е. Чертковской библиотеки, в которой пишет стихотворение:

Во висока къща, во широка стая,
Дълга, предълга, е сам,
Обколен съ книги от края до края,
Шетат и мислит он там.⁴

Гнетущее чувство одиночества, уединения заставляет поэта обращаться к книгам со злобными вопросами, иногда полными отчаяния и нигилистических мыслей о бесполезности книг и науки. В письме П. И. Бартеневу от 13 июля 1862 года он писал: „Вы уже заметили в моих письмах чудовищную мысль о бесполезности Библиотеки, ту же мысль я изложил в стихах, которые потом я уничтожил ...“⁵

Все, что поэт делает, все, что видит, связывает он с народом, который

³ Членами Московской болгарской дружины были, напр.: Хр. Даскалов, К. Геров, К. Миладинов, П. Тодорович, В. Попович, Л. Каравелов, Р. Жинзифов и др. См. Ерихонов, Л. С.: *Литературната дейност на българската дружина*, Език и литература, год. XVIII, бр. 6, 1963, с. 49—58.

⁴ Стихотворение написано в библиотеке Черткова. Под стихотворением находится примечание автора „библ. Черт.“. См. еще Поленаконик, Х.: *За генезата на „Безсоница“ од Райко Жинзифов*, „Прилози“ на МАНУ, 1, 1—2, Скопје 1976, с. 11—18.

⁵ Ерихонов, Л. С.: *К. Жинзифов и П. И. Бартенева*, Известия на Института за литература на БАН, кн. XVI, София 1965, с. 171. В том же письме Жинзифов дальше пишет: „Да, Петр Иванович, наука ничего не сделала для человека, никакой пользы не принесла. Надобно ей дать другое направление, более духовное, соответственное назначению человека, а это настоящее стремление к материальному повалило его в грязь.“

задыхается в угнетении. Все, что не способствует борьбе народа, он ненавидит. Потому обращается в стихах с вопросом:

**Що ви направихте, книги многобройни?
Ви каков донесохте плод?
Усмалихте ли вие маки безбройни
На горкийт той ми народ?**

Думая о народе, Жинзифов вспоминал о своем детстве, о красивых холмах, окружающих его родной город Велес с шумным Вардаром. И стихотворение, начавшееся описанием жизненных обстоятельств в России, продолжено каким-то монологичным рассказом поэта о детстве:

**Овдешен не сум; я се родих далеко,
Во южна и топла страна,
Мене отхрани после майчино млеко
Вардарска бистра вода.**

Стихотворение развивается от обобщенного к конкретному изображению картин родного края: поэт вновь возвращается к описанию македонских жниц, уходящих после изнурительной и утомительной работы поздно вечером с поля. В этом образе Жинзифов первый в македонской литературе XIX века дал картину тяжелой жизни македонской деревни в начале второй половины XIX столетия. Образ трудовых крестьян земледельцев, в которых Жинзифов начинает видеть, хотя еще и неотчетливо, движущую силу общественного развития (очевидно, под влиянием революционных демократов), так как они „Вредни сет за бесплатна свобода цълна“.

Годы написания стихотворения являются временем жесточайшей реакции в России, борьбы против всего демократического, народного, человеческого. Философские взгляды 23-летнего поэта не были еще достаточно прочно сформированы, еще поддавались влиянию разных философских и социальных направлений. Он находится на распутье либерального и революционно-демократического направлений. Поэт еще не понимал закономерностей революционного преобразования общества. Тем самым можно объяснить и некоторые идеалистические, либеральные идеи о „постепенном прогрессе без потрясений и борьбы“ — „без да се лее капка кърв!“

Жинзифов размышляет о смысле жизни, о полезности своих поступков:

**Дух ли лош по мене следват, ил' изпитват
Разумът, что всичко е зло?
Или мойт живот е бесплодна битва?
Пуста, без никакво добро?**

Притом поэт после долгих душевных испытаний отклоняется от своих идеалистических, религиозных взглядов, дает короткую исповедь. Она состоит в том, что Жинзифов постепенно перестает верить в добро и могущество надземских сил, в полезность молитв и жертвований богу:

А сега, о книги, не често отивам
В църква, не твърд е мой дух,
Мътна е моя молитва и често я бивам
До светлостта нем и глух.

Простая, бедная жизнь, жестокая действительность русской среды заставляют его думать об абстрактных философских понятиях — о понятиях добра и зла („Мисли нападват диви, душа ми немеет / и не верват в доброта“).

Райко Жинзифов тосковал по родному краю, по ласковым македонским пейзажам. Он часто рисует их в своих стихотворениях и в своем воображении идеализирует их.

Основной идеей „Бессоницы“ является народ, простые земляки, с которыми было связано детство поэта. Простой народ со своими „грустными“ многоголосыми песнями, которые разрывают сердце поэта:

Българска песня ти многогласовита,
Сърдце ми пак раздираш ти!
жалва, ухилна и тъжноречовита,
Ти дар самоивлски си!

Это является еще одним объяснением безграничной любви поэта к народно-поэтическому творчеству. Сильно и трогательно звучат стихи о народе, являющиеся апофеозом его непоколебимости, непокорности и здоровой душевной силы. Его судьба и страдания являются личной судьбой поэта:

Как да забравам то, за кое боляем,
Кое подържват мой живот?
За кое я страдам, пред кое немеям
— Горкийт мой народ?

Основной мотив его поэзии — мечта о родине и глубокий патриотизм — развивается и в других стихотворениях. Томлением по родному краю переполнено сердце поэта. В стихотворении „Жалба“ („Печаль“) ясно выражено отвращение поэта к чужой среде, так как

... все чуждо пред него,
хлеб и сол и дреха и риза
и скорни, все что ет на него
не е негово, чуждо излиза.

Подобным тоном и с тем же намерением написано и стихотворение „Таен глас“ („Таинственный голос“), в котором поэт выразил свои настроения, пользуясь двумя македонскими народными пословицами. Яркими образами поэт рисует бедноту, безразличие среды, безнадежность и личное отчаяние.

Антитезой, своего рода бегством из трудной и невыносимой атмосферы

жизни поэта вдали от родины, являются воспоминания о родном крае, о той „южной и теплой стране“. Напр., в стихотворении „**На чужбина**“ („В чужбине“) дана трагическая исповедь поэта — поразительные факты о его личной жизни.⁶ Поэтому он с глубоким волнением в своем воображении переносится туда, в родной край. Образ „домашней страны“ поэт гиперболизирует и идеализирует, чтобы только приблизиться, хоть мысленно, к родным пейзажам:

Утрени ветер, пресен, прохладен
И миризливи южни градини,
Що ти ет мило, зацо си страдаш.
Помниш и гледаш ти това место,
Где сос въретници, с млада дружина
Песни си пеял, шетал си често,
Денем и в полноц при месечина.
Помниш на вечер, при вечерница,
Моми жетварки идат от нива,
Глас им прилича на славей птица,
Милна им песня далеч с' отзыва.

Такие и подобные картины родного края умиротворяют поэта, вливают успокоение в его собственное существование. Жинзифов никогда не забывает вывести образ трудового народа — македонских жниц. В ряде его стихотворений этот образ проходит красной нитью и является мостом, связывающим поэта с народом. Жинзифов в них, в их простоте и красоте, скромности и естественности, в бодрости и воодушевлении и в их прекрасных народных песнях ищет и находит душевную утеху и успокоение. С ними всегда связан образ родного края. Известная идеализация народа в романтическом духе совершенно понятна в условиях жизни поэта и в условиях положения поработщенного народа на Балканах. К этой группе стихотворений относятся прежде всего стихотворения (помимо упомянутой уже „Бессоницы“ и „В чужбине“) „Млади години“ („Молодые годы“), „Близ реката Вардар“ („Недалеко от реки Вардара“), „Селянка“ („Крестьянка“) и некоторые другие.

Чем больше Жинзифов ознакомился с северной суровой русской природой и с грустной и тяжелой действительностью, тем чаще и страстнее вспоминал о детстве, „напряжен живот, радост тогашна“.

О природе родного края автор вспоминает и в лирическом стихотворении „Близ реката Вардар“ („Недалеко от реки Вардара“). Очень характерно для Жинзифова (но в конце концов вполне естественно), что и в единственном его любовно-романтическом стихотворении скорее выражена мечта, воспоминания о подвельских пейзажах, чем о любви.

⁶ Там же, с. 186—188.

